

Елена Арсеньева

Фуриозная эмансипантка (Аполлинария Суслова – Федор...



Часть сборника
Женщины для вдохновения
(сборник)



Елена Арсеньева
Фуриозная эмансипантка
(Аполлинария Суслова
– Федор Достоевский)
Серия «Женщины для вдохновенья»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138437
Музы великих писателей: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-14294-0

Аннотация

«Их глаза глядят со страниц романов, их смех звенит в строках стихов... Они вдохновляли поэтов и романистов. Их любили или ненавидели (такое тоже бывало!) до такой степени, что эту любовь или ненависть просто невозможно было удержать в сердце, ее непременно нужно было сделать общим достоянием. Благодаря им болезнь любви или ненависти заражала читателей. Их мало волновало, конечно, чьи коварные очи презираемы Лермонтовым, кого ревнует Пушкин, чьими страстями упивается Достоевский, чьим первым поцелуем украдкой любит Толстой, кого всю жизнь нежно обожает Тютчев и к чьим ногам слагают сердца герои Тургенева... Главное – глубина чувств, тайна, а не праздное любопытство!

Ну что ж, а мы – мы полюбопытствуем и заглянем в эту глубину, приподнимем покров этой тайны: любви или ненависти творцов к своим музам...»

Содержание

От автора	5
Фуриозная эмансипантка (Аполлинария Сулова – Федор Достоевский)	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Елена Арсеньева

От автора

Их глаза глядят со страниц романов, их смех звенит в строках стихов... Они вдохновляли поэтов и романистов. Их любили или ненавидели (такое тоже бывало!) до такой степени, что эту любовь или ненависть просто невозможно было удержать в сердце, ее непременно нужно было сделать общим достоянием. Благодаря им болезнь любви или ненависти заражала читателей. Их мало волновало, конечно, чьи коварные очи презираемы Лермонтовым, кого ревнует Пушкин, чьими страстями упивается Достоевский, чьим первым поцелуем украдкой любит Толстой, кого всю жизнь нежно обожает Тютчев и к чьим ногам слагают сердца герои Тургенева... Главное – глубина чувств, тайна, а не праздное любопытство!

Ну что ж, а мы – мы полюбопытствуем и заглянем в эту глубину, приподнимем покров этой тайны: любви или ненависти творцов к своим музам.

Фуриозная эмансипантка (Аполлинария Суслова – Федор Достоевский)

Шумная компания студиязусов вывалилась за кованые ворота Сорбонны – вечного святилища, многих славных альма-матер! – и ринулась в сторону набережной. Они были еще вполне трезвы, однако знали, что не пройдут и квартала, как отыщут уютное местечко, где можно утолить многочасовую жажду, и там смоют из глоток книжную пыль, и унылые складки у ртов сменятся широкими, безмятежными улыбками.

– Мадлен! – крикнул, проходя мимо галантерейной лавки, один из студентов, удивительно красивый брюнет, похожий на испанца-тореадора, с великолепными черными глазами и длинными, по плечи, выющимися волосами. – Мадлен, приходи ко мне нынче ночью!

Хорошенькая приказчица, на мгновение выглянувшая из лавки, послала красавцу такую улыбку, что всем сразу стало понятно: эту ночь он вряд ли проведет в одиночестве.

– Везет Сальватору! – проворчал невысокий рыжеватый студент с внешностью закоренелого неудачника. – За что только его любят женщины?!

Красавец оглянулся, блеснул улыбкой и похлопал себя

по сгибу мускулистой руки, международным чисто мужским жестом ответив тем самым на вопрос... Рыжий попытался повторить жест, но, обнаружив, что его рука в два раза короче и худее руки Сальватора, уныло понурился, пробормотав: – Бык испанский... Чтоб тебя черти взяли!

Остальные студенты, впрочем, пришли в восторг от столь выразительного ответа и принялись шумно хлопать находчивого приятеля по плечам, приветствуя его бесстыдными воплями и подначивая:

– Сальватор! А ну, задери-ка юбку вон той красотке! Успеешь поиметь ее, пока я сосчитаю до ста? Или достаточно будет сосчитать до пятидесяти? Начинаем, Сальватор!

Прохожие возмущенно, испуганно жались к стенам, бабышны и дамы норовили перебежать на другую сторону узкой улицы. И только одна невысокая, но замечательно сложенная русоволосая молодая женщина, шедшая в глубокой задумчивости, рассеянно вертя в руке кружевной зонтик, вдруг вскинула голову и уставилась на Сальватора, который и впрямь пытался схватить за юбку какую-то юную мидинетку. Впрочем, та ничего не имела против, и вот уже парочка закружилась по неровной мостовой, причем широкие юбки девушки служили Сальватору плащом, которым он дразнил воображаемого быка с грацией истинного тореро...

Наконец мидинетка, панталоны и нижние юбки которой уже были выставлены на всеобщее обозрение, вырвалась, мешая хохот с проклятиями, и со всех своих хорошеньких но-

жек припустила прочь от самоуверенного юнца. Он стоял, уперев руки в бока, вскинув черноволосую голову, неотразимый в своей самоуверенности, разглядывая проходящих женщин, и можно было бы поклясться, что каждая хоть на миг, да возмечтала оказаться схваченной его крепкими руками и...

Нет, не каждая. Русоволосая женщина смотрела на Сальватора с таким выражением, словно мечтала обломать о его дерзко вскинутую голову свой зонтик. Точеные черты ее прелестного лица исказились ненавистью, а из груди вырвался стон, словно шипенье разъяренной змеи. Из грации она вдруг сделалась истинной фурией!

Неведомо, услышал Сальватор это шипенье, несмотря на царящий вокруг галдеж, а может быть, его уколол исполненный злости взгляд, однако он повернул голову и посмотрел на женщину. И тотчас знатоки античной мифологии могли понаблюдать живую иллюстрацию к мифу о Медузе горгоне, потому что красавец истинно окаменел.

– Полин?.. – выдохнул наконец Сальватор, а потом круто развернулся – и бросился наутек.

– Значит, тиф?! – возмущенно выкрикнула русоволосая дама. – Да будь ты проклят со своим тифом!

Она бросила вслед убегающему Сальватору последний убийственный взгляд и направилась в сторону бульвара Сен-Мишель. Дойдя до небольшого отельчика на углу улицы Суфло, она спросила у портье, дома ли русский постоялец

из седьмого номера.

– Мсье Теодор Достоевски? – уточнил портье. – Да, мадам, четверть часа назад мсье вернулся с прогулки. Прикажете доложить?

Не велев докладывать о себе, дама поднялась по лестнице, тесноватой для ее кринолина, во второй этаж (по-русски он бы звался третьим) и вошла в дверь с цифрой «семь», не постучав. В полутемной комнате на застеленной, смятой кровати ничком лежал человек, вполне одетый – создавалось такое ощущение, что он только пришел с улицы и вдруг рухнул без сил. Ему было лет сорок с небольшим. Высокий лоб, борода, умное, бесконечно усталое лицо. Усталое и печальное... Да и во всей его позе было что-то безнадежное, сломенное.

Молодая женщина стояла над спящим и вспоминала, как третьего дня, вот в этой самой комнатке, он обнимал ее колени, смотрел снизу вверх с искательным, молящим выражением и твердил:

– Я потерял тебя, я это знал! Ты по ошибке полюбила меня...

– Да, жаль, что ты не получил моего письма, – сказала она равнодушно. – Не нужно было приезжать.

И тогда человек, стоящий перед ней на коленях, зарыдал и выкрикнул:

– Может быть, он красавец, молод, говорун. Но никогда ты не найдешь другого такого сердца, как мое!

Он говорил о сердце, о душе, о своей светлой любви, но молодая женщина чувствовала его руки, которые шарили по ее телу, норовя пробраться под юбки, стряхивала эти руки, словно докучливых насекомых, и ядовито усмехалась, думая о том, что все мужчины одинаковы, всем им нужно от нее одно, только одно – то, что у нее под юбками! Ну а коли так, то не лучше ли отдать это *сокровище* самому лучшему, тому, кто даст ей взамен наслаждение и любовь... Или хотя бы иллюзию любви, ибо, несмотря на свои довольно молодые годы, она уже давно изуверилась в истинности этого чувства... а может быть, и вовсе никогда в его истинность не верила.

И нынешний день доказал ей, что она правильно делала, что не верила мужчинам! Сальватор, ее молодой любовник, студент-медик, которым она так увлеклась и так тосковала в разлуке с ним, о котором она так беспокоилась, узнав, что у него тиф, – Сальватор вульгарно обманул ее! Насчет тифа – было самое гадкое вранье на свете! Трудно представить себе физиономию, более пышущую здоровьем, чем та, которая сейчас на улице нагло скалилась, изображая тореро! Сальватор кичился тем, что был родом из Севильи, что отлично знает все приемы истинного тореро. Ее юбками он точно так же играл, как только что юбками той дешевой шлюхи, и приговаривал: «Тореадор плачет, убивая быка!» Он был великолепен, этот юный красавец с его выющимися волосами до плеч и сияющими черными глазами, а теперь он ее бросил, бросил! Он выдумал тиф, чтобы отвязаться от нее!

Дама издала сдавленный стон, и мужчина на кровати пробудился от своей дремоты. Он уставился на молодую женщину так, словно не верил своим глазам.

– Аполлинария? – прошептал он, но тотчас умолк и лежал затаясь, словно боялся спугнуть чудесное видение.

Видение, впрочем, вело себя довольно бойко. Оно отшвырнуло зонтик и сняло маленькую кокетливую шляпку. Тотчас стало видно, что видение острижено по самой что ни на есть экстравагантной моде, следовать которой, впрочем, позволяли себе только наиболее смелые эмансипантки. Пристроив шляпку на туалетном столике и задорно тряхнув кудрями, видение отстегнуло кружевные воротничок и манжеты и положило их рядом со шляпкой. И при этом хранило подчеркнуто безучастное выражение лица.

Затем русоволосая женщина расстегнула маленькие пуговицы на блузе и сняла ее.

При виде белых холмиков, вздымающихся над корсетом, мужчина резко сел. Дама, которую называли то Полин, то Аполлинария, развязала юбку и спустила ее на пол. Две нижние юбки вместе с кринолином последовали туда же. Перешагнув через бесформенное нагромождение ткани и китового уса, дама расстегнула корсет и осталась в кружевной сорочке и коротких панталонах. Белые ажурные чулки были схвачены подвязками чуть выше тонких колен.

Затем она, не снимая башмаков, стала на колени на постель и подползла к мужчине. Медленно провела тонкими

пальцами по его плечам, стягивая пиджак...

С хриплым криком он стиснул красавицу в объятиях и опрокинул на постель. Любовное неистовство его было таким самозабвенным, таким всепоглощающим и одновременно таким трогательным, что равнодушное лицо Аполлины смягчилось, глаза повлажнели.

«Тореадор плачет, убивая быка!» – вдруг вспомнилось ей. Лицо ее исказилось от боли, и она впилась в губы своего любовника таким крепким, таким жестоким поцелуем, что оба почувствовали вкус крови.

Впрочем, ему было чем хуже, тем лучше. Он и не это стерпел бы, только бы вновь и вновь держать ее в объятиях – эту женщину, которая разбила ему сердце, задурила голову, измотала душу, которая стала его навязчивой идеей, его *la femme fatale*... роковой женщиной его книг.

Ну да, книг. Ведь этот обуреваемый страстью мужчина был не кто иной, как русский писатель Федор Достоевский, а его распутная муза тоже была русской и звалась Аполлиной Суловой...

– Позвольте спросить, богиня, зачем вам вся эта политика? – ухмыльнулся седой розовощекий профессор новейшей истории. – Вы прекрасны, как Афродита, вам бы...

Он не договорил, потому что лилейная ручка хлестко – очень хлестко! – с оттягом приложилась к его бритой щеке. Вслед за тем Афродита гордо повернулась и вышла из ауди-

тории.

Жаль, размышляла она, стуча каблучками по ступенькам широкой лестницы, теперь на лекции этого профессора уже не попасть... Ну отчего мужчины такие однообразные монструозные идиоты?! Отчего не способны допустить, что женщина желает послужить Отечеству и народу? Отчего, завидев хорошенькую мордашку, немедленно начинают – все как один! – говорить пошлости? И отчего убеждены, что ежели оную мордашку обрамляют не туго заплетенные косы, а облачко стриженных кудрей, то обладательница их – доступная женщина?

Хорошо сестре Надежде: она тоже стриженная, однако мужчины смотрят на нее с уважением и даже не слишком-то косоротятся, узнав, что мамзель Суслова-младшая намерена сделаться врачом. Белый халат ее напоминает непробиваемые латы, правда, несколько выпирающие на груди, но никто даже не думает протянуть руки, чтобы испытать эту грудь на упругость. А все дело в том, что Наденька, между нами говоря, страшна, как смертный грех. Поэтому ее отчаянное нежелание беречь какой-то там домашний очаг не слишком-то эпатирует общество. Ну разве что какой-нибудь злословец назовет ее «синим чулком»... Да что ж в том дурного? Это ведь скорее комплимент!

Хорошо Надежде. А вот мамзель Сусловой-старшей приходится отдуваться за двоих. Отчего-то все так и норовят если и не щипнуть ее за вызывающе выпяченный бюст, то хоть

пошлым комплиментом одарить. Думают, ежели барышня остриглась, начала курить и записалась в университет вольнослушательницей, то она желает не образовываться в одной аудитории с мужчинами, а просто жаждет расстаться с девичьей честью так же легко, как рассталась с косой – девичьей красой.

Неужели это желание у нее на лице написано?

Аполлинария воровато оглянулась, словно боясь, что ее мысли кто-то подслушает, и покрепче прижала к боку свой простенький портфельчик. Бог с ними, с лекциями по новейшей истории. Надо надеяться, в редакции журнала «Время» она встретит по-настоящему передовых личностей мужского пола. Уж наверняка редактор этого журнала, господин Достоевский, далек от амурных шалостей, как небо от земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.